

© Д. А. СВИРСКАЯ, 2023

*Московский государственный институт международных
отношений Министерства иностранных дел РФ
(МГИМО МИД РФ), Россия*

E-mail: daria_svirskaya@mail.ru

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯМИ РИСКА И ОПАСНОСТИ В РАМКАХ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена изучению проблематики явлений риска и опасности в условиях современных информационных реалий. Основной акцент сделан на роли средств массовой информации в рамках процесса манипулирования понятиями риска и опасности, а также их содержательной составляющей в массовом сознании индивидов. В статье приводится анализ генезиса явлений риска, опасности, рока и судьбы, рассматривается процесс трансформации данных феноменов через призму специфики социальной реальности.

Ключевые слова: индивид, массовое сознание, рок, судьба, риск, опасность, СМИ.

Попытки трактования понятий «опасность» и «риск» (а также разделения связанных с этими понятиями явлений) в рамках междисциплинарных исследований не прекращаются до сих пор. В то же время в практической плоскости можно наблюдать феномен управления обоими терминами и подмену одного понятия другим средствами массовой информации (СМИ) через свою информационную повестку с целью воздействия на поведенческие практики членов социума.

В рамках данной статьи хотелось бы изложить основные теоретические аспекты обоих явлений и представить результаты анализа их применения СМИ на практике через свою информационную повестку на отдельно взятых примерах.

В связи с этим *цель данного исследования* заключается в выявлении специфики поведенческих практик населения как последст-

вий манипуляции терминами «опасность» и «риск» в информационной повестке СМИ.

Объектом исследования выступают социальные практики членов российского социума, *предметом исследования* — процесс манипулирования СМИ терминами «риск» и «опасность» в рамках своей информационной повестки.

В первую очередь хотелось бы отметить, что становление понятия «риск» в качестве самостоятельного явления происходит в рамках трансформации социального взаимодействия людей в историческом контексте и перехода от общности с органической солидарностью к обществу с механической. В случае социальных реалий общности огромное место отдается «року», «судьбе» и «фатализму», отражающим рискогенность внешней среды. Ограниченные знания о внешнем мире, страх непредсказуемости перед лицом природных явлений и их непосредственное влияние на жизнь каждого индивида (осознание ее уязвимости, хрупкости, смертности) заставляют людей искать разные пути определения и трактования возможных «опасностей», с одной стороны, и попытки адаптации к непрогнозируемым угрозам — с другой.

В обществе с традиционными способами деятельности [3] особо значима роль верований и обычаев, и как результат этого, «опасность» носит коллективный и суеверный характер. При этом несоблюдение общепринятых ритуалов одного может восприниматься как «опасность» для всех членов социума. Таким образом, «опасность» выступает в качестве порядкообразующего инструмента, который позволяет осуществлять контроль [4]. Кроме того, огромная роль в обществах с органической солидарностью отводится «року», определяющему судьбу человека [3], а «роковые моменты», сопровождающие индивида всю его жизнь, заставляют его мыслить «фаталистически» и оценивать «опасность» через призму не только «риска», но и «фортуны», как естественную возможность избежать угрозы.

Попытки определения судьбы индивида варьируются от общности к обществу и становятся наиболее востребованными в ситуации роста личностных рисков и общих социальных кризисов. Вместе с тем появляется множество методов ее трактовки — от традиционных до современных — электронных вариантов, позволяющих спрогнозировать личностный подход к оценке индивидуальных рисков (с помощью нумерологии, натальных карт, гадания и т.д.). Дихотомия «риск — возможность» в этой связи не только просчитывается, но и корректируется. Так, один из актуальных опросов ВЦИОМА показал,

что три четверти россиян, верящих в удачу (73% респондентов), полагают, что на нее можно повлиять; при этом когорта молодых людей (18-24 лет) считает, что оптимизм и счастье притягивают удачу, а старшее поколение (россияне 45 лет и старше) в данном вопросе полагается в большей степени на трудолюбие [14]. Более того, в российском обществе существует и развивается целая индустрия, предлагающая варианты личностного роста не только в рамках профессии, но и в вопросах личного счастья: психологические онлайн-курсы, тренинги, марафоны желаний.

Отдельного внимания заслуживают и суеверные социальные практики россиян. Например, другой опрос ВЦИОМа показал, что 42% респондентов соблюдают традицию «посидеть на дорожку», 41% — посмотреть в зеркало по возвращении домой за забытой вещью, 34% — постучать по дереву [9]. Таким образом, проявление суеверности является частью обыденных практик индивидов и становится для них наиболее значимым в условиях социальной неопределенности, выступая в качестве попытки максимальным образом обезопасить себя от непредвиденных угроз, транслируемых средствами массовой информации.

С накоплением социального знания, появлением новых технологий происходит переосмысление подходов к понятию опасности с позиции возможностей для прогнозирования; ключевым становится понятие риска. Риск квалифицируется как некая неопределенная ситуация, в которой существует вероятность наступления для индивида (коллектива) того или иного события с благоприятными (неблагоприятными) для него последствиями [7]. В отличие от опасности, риск предполагает ответственность человека за результат (степень ущерба) индивидуальной социальной деятельности и связан с характером принимаемых им решений, в то время как опасность представляет собой внешнюю угрозу, несущую в себе определенный неконтролируемый ущерб [8]. Таким образом, в отличие от опасности, риск рассматривается в качестве калькулируемой неопределенности [10].

Как отмечает британский социолог З. Бауман в работе [1], бесконечная неопределенность является отличительной чертой современных реалий, природа которых не подвластна полностью как обществам, так и государствам, а всецело зависит от политики глобальной элиты, в чьих руках сегодня сосредоточен транснациональный капитал. Для получения экономической помощи извне государствам приходится отказываться от самостоятельной экономической поли-

тики, от собственной культуры и военной безопасности, подчиняясь законам и правилам глобальных финансовых рынков.

Таким образом, государства в первую очередь должны обеспечивать благоприятные условия для развития крупного бизнеса (прежде всего транснациональных компаний), в то время как бизнес, благодаря своей мобильности, отделяется от общества, от необходимости социальных инвестиций и обязательств, перекладывая всю ответственность за результат своей деятельности на государство [1].

Россия в условиях общих социальных рисков, порожденных процессом глобализации в контексте международного движения капитала, также оказывается в уязвимом положении. Например, в 90-х годах XX века государство утрачивало большую часть своих социальных функций из-за того, что в процессе либерализации российской экономики и приватизации отдельными членами социума государственных средств производства и информации было лишено большинства своих ключевых активов [11], а также возможности установления собственной государственной идеологии.

Все вышеперечисленное существенным образом сказывается на социальной безопасности страны и российского общества в целом.

Под понятием «безопасность» в общем смысле подразумевается опасность, ущерб, который квалифицируется как допустимый или приемлемый [5]. Данное определение полностью отражает характер современных реалий, в рамках которых явление опасности выходит на глобальный уровень: затрагивает одновременно «всех» и особым образом «каждого по отдельности», неся в себе фактор непредсказуемости (иначе говоря, ограниченные возможности для прогнозирования и оценки индивидуальных рисков, так как анализ личных рисков становится возможным только по факту наступления той или иной опасности).

Ключевым элементом социального прогнозирования выступает информация. Информация является одним из основополагающих ресурсов современного социума, а доступ к ней рассматривается как общечеловеческая необходимость и право [2]. Ценность информации определяется объективностью содержащихся в ней сведений, необходимых индивиду для принятия того или иного решения. С усложнением информационного пространства, появлением нового источника информации — сети Интернет, активным развитием информационных виртуальных технологий, связанных с процессами передачи, сбора, обработки и презентации информации, происходит

упрощение процесса информационного взаимодействия, с одной стороны, и латентный процесс обесценивания информации на уровне девальвации ее содержательной стороны как источника знания, с другой [16]. Информация из «ресурса знания» превращается в «средство манипуляции», попадая в распоряжение СМИ.

Каждое СМИ включено в ту или иную социально-политическую, экономическую структуру и скрывает за собой определенную социальную группу [18]. С одной стороны, имеет место конкуренция между продуктами средств массовой информации, информация в данном случае выступает как товар, нацеленный на привлечение максимальной аудитории с целью получения прибыли (за счет рекламы), с другой стороны, информация целенаправленно используется определенными группами в качестве инструмента формирования общественного мнения в отношении того или иного явления.

Сегодняшние программы и передачи, включая рекламу, заменяют необходимость в запугивании и насилии, замечает российский ученый С. Г. Кара-Мурза [6]. Одной из их ключевых тематик остается проблематика риска, которая под воздействием ряда манипуляций представляется зрителю в виде явления опасности. Яркий пример тому — тема здоровья. Так, наравне с новостями о новейших разработках в области превентивной медицины, об усовершенствовании процесса диагностики и методик прогнозирования индивидуальных рисков, связанных со здоровьем, в массовое информационное пространство попадает бесконечное множество личных историй болезней, в корне меняющих жизнь людей, которые с ними столкнулись. Истории варьируются от частных случаев до случаев из жизни публичных людей, демонстрирующих уязвимость абсолютно каждого индивида перед лицом неожиданных опасностей, вплоть до летальных исходов. Основной акцент СМИ делается на исключительности каждого отдельного случая (значимости рока, судьбы), ведь в мире, в котором спрос на индивидуальность превалирует над потребностью быть частью чего-то общего (иметь общие социальные признаки), риски так же индивидуальны, как и их последствия. То, что рассматривается в категории риска для всех, представляется одновременно опасностью для конкретного индивидуального случая. В этой связи общие риски не столько объединяют, сколько разделяют людей [1]. Большая часть рекламного материала также посвящена теме здоровья и лекарственным препаратам, без которых здоровому человеку буквально не выжить. Множество медицинских специалистов — новых лидеров

мнений, появляющихся из ниоткуда, точно обращаясь из глубины информационного пространства телевидения (Интернета) лично к каждому, предупреждают свою аудиторию об общих рисках, суля каждому по отдельности скрывающуюся за ними опасность, запугивая общими диагнозами и назначая превентивные препараты от самых часто встречающихся недугов, манипулируя на чувстве страха людей и побуждая их к определенным действиям — покупке тех или иных медицинских товаров (курсов, тренингов).

Как результат тому — высокий уровень тревоги в российском обществе, чрезмерная обеспокоенность населения вопросами собственного здоровья и здоровья близких [13]. В особенности паническим настроениям, тревожности и стрессу подвержена молодежная когорта (речь идет о молодежи в возрасте от 18 до 34 лет) [12, 15].

Как и в обществах с органической солидарностью, в обществах с механической солидарностью в момент острых социальных кризисов возрастает роль социальных ритуалов, обязательных для всех, появляется запрос на коллективную ответственность. Формирование такого запроса на уровне СМИ с помощью информационного запугивания без организации дополнительных социальных мер, направленных на солидаризацию общества перед лицом общих угроз, как и отсутствие общей картины прогнозирования рисков, приводит к коллективному ощущению когнитивного диссонанса внутри социума, где каждый индивид воспринимает другого как носителя риска — угрозу для своей личной безопасности [15]. В то же время демонстрация частных случаев (индивидуальных историй, например, трансляций кейса борьбы с коронавирусом в г.о. Москва) без учета специфики общих рисков ведет к разделению людей по принципу «мы» и «они — группы». Предпосылки для десолидаризации людей создают риски социального характера, условия для девиантного поведения внутри социума, усиление проявлений аномического состояния общества [15].

В заключение важно отметить, что с изменением информационной повестки СМИ (от пандемии до российско-украинского конфликта) меняются и ожидания россиян в отношении вероятности наступления той или иной опасности и индивидуальных рисков. Так, с началом российско-украинского конфликта тематика коронавируса вытесняется темой специальной военной операции и связанных с ней социальных рисков. Вероятность заболеть ковидом в 2022 году начинает рассматриваться населением как риск, а на первый план выходят новые угрозы и потенциальные опасности, касающиеся вопросов собственного финансового положения и со-

циального статуса (по данным опроса ВЦИОМ [17] в российском обществе отмечается озабоченность проблемами социальной справедливости, равенства (неравенства).

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. СПб: Питер, 2008. 240 с.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. URL: https://igiti.hse.ru/data/417/313/1234/5_2_1Gidd.pdf.
4. Дуглас М. Чистота и опасность / Пер. с англ. Р. Громовой, под ред. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 288 с.
5. Безопасность жизнедеятельности: учеб. для вузов / Н. Г. Занько, К. Р. Малаян, О. Н. Русак. СПб., М., Краснодар: Лань, 2007. 672 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
7. Кравченко С. А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М: Юрайт, 2016. 302 с.
8. Луман Н. Понятие риска. URL: https://igiti.hse.ru/data/423/313/1234/5_2_2Luhm.pdf.
9. Масленица, приметы и суеверия // ВЦИОМ 10.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/maslenica-primety-i-sueverija>.
10. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Пер. с англ. М.: Дело, 2003. 360 с.
11. Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России: учеб. пособ. / Под ред. А. С. Орлова. М: Простор, 2005. 638 с.
12. Стресс и как с ним бороться // ВЦИОМ. 25.07.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsja?ysclid=l84rf80xql527490033>.
13. Тревоги и опасения людей // ФОМ 11.02.2022. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14685>.
14. Удача и как ее поймать 21.03.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udacha-i-kak-ee-poimat><https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udacha-i-kak-ee-poimat>.
15. Уровень тревожности и страхи россиян // ВЦИОМ 07.05.2020. URL: <http://club-rf.ru/images/files/5eb3e657197b2.pdf?ysclid=l84rel0ukh508579324>.
16. Шепелев И. А. Информационные риски с позиции теории общества риска: социально-философский анализ // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2021. Т. 14. С. 2712-2716.
17. Эмоциональный фон, страхи и ожидания россиян: стресс-факторы в точках бифуркации // ВЦИОМ 22.02.2022. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/Lvov_2022-03-03_ENemocionalnyi_fon_strakhi_i_ozhidaniya_rossijan_fin.pdf.

18. Lazarsfeld P., Merton R. Mass communication, Popular taste and Organized Social Action // Communication of Ideas / Lyman Bryson, ed. NY.: Harper & Brothers, 1948. Pp. 95-118.

*Статья поступила в редакцию 03.02.23г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*